

ЭЛИТЫ РОССИИ

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ КАК ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.В. Шентякова

(anna_pedagog@mail.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Шентякова А.В. Консолидация российской элиты как фактор государственной политики идентичности // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 5–21.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.1>

Аннотация. Государственная политика идентичности — одно из стратегических направлений внутренней политики, целью которой является формирование и поддержание стабильного и единого символического пространства в обществе. Методологической основой работы выбран конструктивистский подход, который позволяет включать политические элиты, социальные группы и институты в контекст анализа. Метод сбора информации — экспертные интервью. Анализ собранных данных позволил выделить основных субъектов государственной политики идентичности и определить степень их включенности в процессы. Элита выступает в качестве ключевого субъекта в разработке и реализации государственной политики идентичности. Обосновывается значимость проблемы консолидации российской элиты, которая сохраняет свою актуальность на протяжении всего постсоветского периода. Одним из условий успешности проводимого курса по формированию сплоченного солидарного общества эксперты выделили фактор консолидации элитных групп и достижение ценностного консенсуса между властью и обществом. Проводится анализ зарубежной и отечественной научной литературы по вопросам консолидации и сплоченности элиты. Анализируются характер и степень консолидации российской элиты, подчеркивается особая

роль в этом процессе административного сегмента федеральной элиты. Выявляется связь между степенью институционализации и достижением ценностного консенсуса внутри элиты. Отдельно рассматривается вопрос консолидации российского общества в целом. Обозначается проблема социального неравенства как фактор, тормозящий демократические процессы в сфере политики идентичности. Рассматривается фактор лидерства как один из ресурсов для выстраивания диалога между государственной властью и институтами гражданского общества.

Ключевые слова: консолидация элит, взаимодействие элиты и общества, политика идентичности, ценностный консенсус, институционализация элиты.

В последние десять лет в отечественной политической науке в связи с проблемами конструирования общероссийской гражданской идентичности, которая рассматривается как один из наиболее важных факторов консолидации общества, активно разрабатывается и обсуждается категория «политика идентичности». Государственная политика идентичности является одним из стратегических направлений внутренней политики, цель которой — формирование и сохранение единого символического пространства в обществе. «В действительности все современные государства в той или иной мере проводят “политику идентичности”, направленную на интеграцию стоящих за ними сообществ, поощрение солидарности, формирование определенного представления о Нас, опирающегося на те или иные интерпретации истории и культуры» [Малинова 2010: 91]. Существуют различные подходы к трактовке понятия «идентичность», но в настоящее время доминирует конструктивистский. Методология конструктивизма рассматривает процесс конструирования идентичности в качестве условия построения эффективной коммуникативной базы и консолидации представителей различных политических, культурных и этнических групп [Брубейкер 2012]. Одна из авторитетных российских исследователей И.С. Семеновко определяет политику идентичности как деятельность государства и других субъектов политического процесса, направленную на формирование совокупности ценностных ориентиров, практик. Ее целью является формирование и поддержание национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, ориентиров развития национального сообщества и идентичностей групп и сообществ внутри него. Эта сфера становится объектом государственной политики и деятельности различных акторов, так или иначе задействованных в по-

литическом процессе [Фадеева 2016: 175]. В рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы»¹ политика идентичности рассматривалась как комплекс мер, решений и программ со стороны государства для поддержания определенного уровня консолидации общества и стабильности политического режима. «Точнее было бы определить современные стратегии нациестроительства шире, как политику консолидации живущих на одной административной территории людей в институциональных формах единого сообщества» [Семененко и др. 2017: 59]. Такая трактовка обуславливается возрастанием рисков, связанных с проблемами социального расслоения, снижением уровня легитимности власти как отдельных политических лидеров, так и политических институтов в целом.

В ходе выполнения проекта была проведена серия экспертных полуструктурированных интервью, вопросы в гайде формулировались в открытой форме. Выбор метода сбора информации был обусловлен тем, что техника глубинного нестандартизованного интервью позволяет задавать вопросы, менять последовательность тематических блоков по ходу интервью в зависимости от естественного хода беседы. Подобный вид интервью предполагает общую форму плана беседы, в рамках которой может варьироваться последовательность вопросов и блоков вопросов. Всего было проведено 23 экспертных интервью с наиболее авторитетными российскими учеными в области политики идентичности и символической политики. Выборка была построена методом «снежного кома» и включала докторов и кандидатов преимущественно политических, исторических и социологических наук, являющихся ведущими специалистами в России по исследуемой теме. Все интервью были проведены в течении трех месяцев, в качестве интервьюеров выступали два члена исследовательской группы, которые имели большой опыт работы в сфере качественных методов сбора информации.

Одним из аспектов изучения процессов конструирования идентичностей является определение основных субъектов и факторов, влияющих на результативность принимаемых решений в этой сфере. В отече-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете.

ственной политической науке наиболее значимыми агентами политики конструирования идентичностей признаются властные элиты федерального и регионального уровней. Большинство экспертов (около 90 %) отмечали, что именно властные элиты — один из наиболее влиятельных и заинтересованных субъектов, который располагает необходимыми ресурсами. Другие участники, среди которых назывались экспертное сообщество, общественные организации, интеллектуальная элита, СМИ, значительно уступают лидерские позиции.

Влиятельность субъектов определялась экспертами не только по объему ресурсной базы, но и по включенности в эти процессы на постоянной основе. Институты гражданского общества, профессиональная и символическая элиты, СМИ функционируют в диапазоне возможностей, задаваемых политическими акторами. Они не оказывают постоянного и систематического влияния на процессы консолидации общества и выполняют вспомогательную роль. Таким образом, политико-административные элиты признаются одним из наиболее влиятельных субъектов разработки и реализации курса политики идентичности. «В данном случае политика идентичности рассматривается скорее как одна из разновидностей политического курса (policy), проводимого политическими, экономическими или культурными элитами, нежели как борьба отдельных социальных групп за признание» [Цумарова 2012: 11]. Процессы глобализации, пандемия коронавируса, кризис в экономике способствуют актуализации вопроса о способности элиты предложить такой внутривластный курс, который позволил бы сформировать и поддержать определенный уровень единства и сплоченности в обществе. Необходимо отметить, что в таких условиях национально-государственная, этническая, гражданская идентичности как конструкты могут рассматриваться властными элитами в качестве ресурса для укрепления легитимности и стабильности политического режима. Таким образом, элита, выполняя функции одного из ключевых субъектов формирования и реализации государственной политики идентичности по необходимости, остальных участников этого процесса не рассматривает в качестве полноправных партнеров и использует только в качестве дополнительного ресурса легитимации принимаемых решений, программ, документов.

В условиях новых геополитических и экономических рисков способность властной элиты удержать позиции и контроль над ресурсами зависит от двух составляющих: степени сплоченности внутри элиты

и взаимодействия между элитой и обществом. Оба компонента равнозначны по важности и силе влияния на результативность мер в русле политики идентичности.

Анализ текстов экспертных интервью позволил выделить два фактора, от которых зависит качество и результативность политики идентичности, — *субъектный* (акторы) и *институциональный* (взаимодействие и диалог всех участников реализации политики идентичности). В статье основное внимание будет уделено первому фактору. Субъектный фактор условно можно разделить на несколько элементов. Первый элемент затрагивает степень конфликтности/сплоченности внутри элиты. Дж. Хигли в соавторстве с Я. Пакульским рассматривает трансформацию элит в двух плоскостях — в зависимости от степени сплоченности и степени дифференциации элиты [Higley, Pakulski 2000]. Под сплоченностью элиты понимается наличие единых ценностей, разделяемых большинством представителей элиты данной страны. При этом сплоченность может основываться на культурно-идеологическом базисе, либо на принятии представителями элиты единых согласованных правил игры, в рамках которых возможно ненасильственное разрешение конфликтов между различными элитными группами. Единство элит проявляется в степени ее интегрированности. Под дифференциацией понимается степень независимости (автономности) элиты от других, более массовых социальных групп, а также степень неоднородности самой элиты, наличие в ее составе элитных подгрупп, предлагающих обществу различные ценностные ориентиры и конкурирующих между собой в процессе выработки политических решений [Burton, Gunther, Higley 1992: 1–37; Higley, Pakulski, Wesolowski 1998: 1–33; Burton, Higley 2001: 181–199; Higley, Hoffmann-Lange, Kadushin, Moore 1991: 35–53].

Согласованность и выработка единого вектора в действиях при разработке и реализации символической политики, по мнению экспертов, важный компонент. *Эффективным результатом политики идентичности, который приводит к эффективности всех мер в целом, является степень согласованности позиций элит относительно тех ценностей, которые в рамках этой политики могут быть реализованы. Примером могут быть Кабардино-Балкарская Республика и Республика Адыгея. Вот здесь фактор согласования. Консолидации элит относительно того, кто есть мы, каково наше прошлое, каковы наши перспективы, что надо делать здесь и сейчас, для того чтобы наши ценности объединяли не только нас, но и молодежь и мы как сообщество суще-*

ствовали? И в том, и в другом случае. В Адыгее, например, это оказалось значимым эффектом, показывающим, что да, это эффективно. И в Кабардино-Балкарии несогласованность оказалось фактором, определяющим большую часть проблем в реализации собственно этой политики, что существенно повлияло на политический процесс, на социальные конфликты в республике в том числе (интервью с экспертом № 7). Во всех постсоветских государствах элиты находятся в поиске ценностей, консолидирующих общество, что обусловлено функцией стабилизации и институционализации, которую вынуждены осуществлять властные группы в любом обществе. «Эта группа ответственна за поддержание базовых для данного общества институциональных порядков. Другими словами, она выполняет институционализирующие и деинституционализирующие (когда необходимы институциональные реформы) в обществе функции» [Дука 2009: 127]. Для выполнения данных функций важным индикатором является уровень институционализации самих властных групп. Проблема институционализации элит в странах, проходящих постсоветскую трансформацию, остается актуальной темой научных исследований (см., например: [Быстрова и др. 2019; Дука 2017; Лапина 2017; Щербакова 2017]). Анализ каналов и механизмов рекрутирования, карьерных путей представителей властной элиты позволил говорить, что определенный уровень институционализации по структурному параметру был достигнут «В более общем плане со стороны внешнего наблюдателя процесс институционализации и трансформации новых властных групп может быть рассмотрен в трех аспектах (измерениях): институциональном, структурном, персональном» [Дука 2017: 17].

В рамках изучения вопросов, связанных с темой институционализации элит, большинство как отечественных, так и зарубежных исследователей подчеркивают важность культурно-ценностного фактора «Культура является необходимым элементом институционализации ввиду ее интерпретационной функции» [Дука 2009: 127]. Западный исследователь Дж. Хигли выделял важность наличия единых ценностей, разделяемых большинством представителей элиты данной страны. При этом внутренняя сплоченность может основываться на некоей идеологической, религиозной или национальной доктрине [Хигли 2008]. Но российский сценарий консолидации власти основывался на максимальной концентрации ресурсов и полномочий, сопровождая этот процесс централизацией бюрократического контроля: «Унифицирующая консолидация ориентирована на создание однородного политического

и идеологического пространства. Она основывается на монополизме власти и социально-патерналистских ориентациях населения» [Дука 2010: 10]. В этом направлении принят ряд решений, которые были направлены на снижение уровня внутривластных рисков и достижение минимального консенсуса между представителями отдельных элитных групп. Впервые этот вопрос президент В.В. Путин поставил в послании Федеральному собранию в 2003 г. В апреле 2005 г. глава Администрации Президента Д.А. Медведев заявил: «Если мы не сумеем консолидировать элиты, Россия может исчезнуть как единое государство... Российская элита сейчас разобщена, а борьба представителей этой элиты между собой создает риск распада страны» (Медведев 2005).

Приход к власти В.В. Путина и выбранный новым президентом внутривластный курс на преодоление разобщенности элиты в 2000-е годы позволили достигнуть в этом направлении определенных успехов. Процесс усиления федеральной элиты происходил за счет построения вертикали власти и консолидации региональных элит, которые вынуждены были заключить «пакт» с федеральным центром — в обмен на политические привилегии они получили доступ к федеральным ресурсам. «Этот процесс сопровождался существенным урезанием властных возможностей практически всех элитных групп в пользу федеральной бюрократии и позволил сформировать единое элитное пространство, что было обеспечено практикой “переназначения” глав субъектов и снизило уровень оппозиционности и автономии региональных элит» [Мохов 2010: 38]. Эксперты делали вывод, что консолидация элит проходила по вертикальному сценарию «сверху». В то же время отечественные исследователи отмечали особую роль бюрократии в процессах российской трансформации 2000-х годов. Например, В.П. Мохов говорит, что «главным содержанием этой эпохи стала консолидация элит под руководством государственной бюрократии» [Мохов 2008: 65]. Достижение консенсуса всех элитных групп с административной элитой происходило на условиях обмена ресурсов на государственную поддержку. Таким образом, консолидация элит проходила по вертикальному сценарию — «сверху». Для формирования формального консенсуса политических элит в ситуации, когда естественные процессы не успевали привести к выработке ценностного консенсуса «снизу», такой сценарий рассматривался в качестве своеобразного инструмента власти для сплочения правящего класса «сверху».

В результате сформировалась консолидированная элита во главе с бюрократией. «Возможно, не желая того, Путин становится лидером

консолидировавшейся бюрократии, поскольку именно он помог ей вернуть себе прежнюю роль» [Мохов 2010: 65]. Передача элитными группами властных ресурсов доминирующему актору, навязывающему им свои условия в обмен на гарантии сохранения влияния, положения, капитала, позволило некоторым исследователям сделать вывод о «навязанном консенсусе». Таким образом, можно сделать вывод, что в качестве культурно-ценностной основы внутриэлитного взаимодействия выступает система норм, правил, целеполагание и выбор возможных путей решения с отбором доступных ресурсов, характерные для бюрократического мышления и стиля управления. Как отмечают Г. Кербо и Л. Фэйв, «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением — с другой, далеко от абсолютного, исследование показали достаточно сильные корреляции для того, чтобы сделать стоящим это направление исследования» (цит. по: [Быстрова и др. 2019: 36–37]).

В современных условиях информационного общества государство не может выступать единственным актором формирования государственной или национально-государственной идентичности, в обществе сформировался запрос на эффективное взаимодействие институтов власти с институтами гражданского общества и гражданскими активистами-лидерами. Политика идентичности включает в себя комплекс мер в системе образования, науки, культуры. Эти сферы требуют широкого кругозора, плюрализма мнений, готовности к диалогу, способности договариваться с различными НКО и институтами гражданского общества как с равноправными партнерами, гибкости и адаптивности. Структура и функционал сегодняшних административных органов власти предполагает совсем другие качества и потенциал человеческого капитала, что значительно снижает возможность выработки консолидирующей системы ценностей, которая необходима для разработки продуманной и сбалансированной политики идентичности. Борьба за экономические ресурсы и несогласованность действий между федеральными и региональными органами власти в процессе реализации мер политики идентичности зачастую нивелируют положительный эффект от принимаемых решений и провоцируют конфликты на национальной и конфессиональной почве. В связи с этим на первый план выходит достижение ценностного консенсуса между элитными группами. «Консенсусно объединенная элита хороша тем, что нормы и правила, разделяемые такими элитами, встраиваются в политические институты и политическую культуру» [Загородников 2010: 58].

Второй компонент субъектного фактора затрагивает классическую парадигму дихотомии «элита — масса». Поиск возможности сплотить российское общество и примирить его с последствиями распада советского государства для властной элиты сохраняет актуальность на протяжении всех последних 25 лет. В поле публичной политики тема консолидации как приоритетной задачи сохранения государственности активно продвигается с начала 2000-х годов. «Тема консолидации занимала одну из ключевых позиций в политическом дискурсе В. Путина с самого начала его прихода к власти. Одной из центральных тем первого президентского послания Путина становится консолидация общества. Объем внимания к данной теме в послании 2000 г. составляет 18,4 % от его общего объема. В последующие годы репрезентация данной темы варьируется от почти полного ее исчезновения в 2001 и 2002 гг. (когда объем внимания составил 4,21 и 3,24 % соответственно) до всплеска в 15,7 % в 2003 г. В период третьего президентского срока В. Путина тема консолидации сохраняет в политическом дискурсе довольно прочные и стабильные позиции. Если в предыдущие два срока объем внимания к данной теме в посланиях президента сильно варьировался в разные годы от 2 до 18 %, то с 2012 по 2014 г. степень ее представленности держится приблизительно на одно и том же уровне — около одной десятой от общего объема выступления» [Захарова 2016: 33]. Таким образом, можно сделать вывод, что проблема солидарности российского общества решена не была, поиск объединяющих идей, целей и идеалов сохраняет свою важность.

Одной из сфер, которые тормозят выработку единого символического пространства, многие исследователи называют социально-экономические проблемы и порождаемое ими социальное неравенство. Значительная доля населения страны считает, что результаты приватизации и распределение доходов несправедливы и не способствуют развитию и процветанию страны в целом «Особенности социально-политических рисков устойчивого развития российского общества заключались в том, что большинство россиян не видели в лице государства последовательного выразителя и защитника своих интересов» [Левашов и др. 2018: 91]. Для формирования символического единства общества и власти это серьезный и неблагоприятный фактор, который существенно нивелирует возможные положительные эффекты от программ и проектов политики идентичности. Исследователи рассматривают сплоченность региональной элиты как важный показатель успеш-

ности социально-экономической политики: «Успех региона возможен, если элиты не только политически консолидированы, но и объединены вокруг предложенной исполнительной властью стратегии социально-экономического развития, способной коренным образом преобразовать образ региона как хозяйствующего субъекта федерации» [Градецкий, Скоробогатый 2015]. Это важный момент, так как стратегии и программы социально-экономического развития в регионах способствуют снижению остроты проблемы социального неравенства, что, в свою очередь, создает более благоприятный социальный фон и институциональную базу для продвижения проектов политики идентичности.

Третий элемент субъектного фактора связан с социальной мобильностью и открытостью каналов рекрутирования. Для сохранения занимаемых позиций и ресурсов представителям элиты необходимо обеспечить определенный уровень легитимности государственных институтов власти, что невозможно без электоральной поддержки и социального ресурса для обновления кадров. Для решения этих задач необходимо включение в политические процессы как неформальных политических лидеров и представителей НКО, так и лидеров общественного мнения. Представляется, что одним из инструментов для повышения уровня сплоченности и солидарности между властью и обществом может выступать институт лидерства. «Идущие в российском обществе процессы формирования новых социальных солидарностей и идентичностей демонстрируют высокий уровень влияния института лидерства, когда речь заходит о том, что импульс общественной самостоятельности и активности задается отношением и восприятием и к общенациональному лидерству, и к лидерству на уровне неформальных общественных структур и локальных сообществ» [Волков, Гурба 2018: 16].

В связи со значительным ростом бюрократизации всех сфер общественной жизни и усилением позиций административной элиты в обществе сформировался запрос на лидеров, не связанных с властными институтами. Характер взаимодействия лидеров и элит — существенный аспект, который характеризует способность элиты к диалогу с другими акторами. «Изучение способов влияния лидеров и элит друг на друга является одной из узловых проблем политического анализа. Мало кто станет отрицать, что это влияние обоюдное» [Хигли, Пакульский 2008: 68]. Роль таких лидеров-активистов в символическом пространстве смыслов, идей, ценностей и самоопределений достаточно высока. Способность выступить как представитель некой группы людей,

объединенных общими целями и идеями, нести ответственность перед членами группы за предпринимаемые шаги, оказывается востребованной в общественном сознании. Такие лидеры формируются в основном на локальном уровне для решения рутинных, бытовых проблем. Они выступают в качестве связующего звена между социальными группами и органами власти. «Институт лидерства в российском обществе понимается как коридор возможностей диалога общества и власти на основе организационно-нормативного, символического (авторитет и доверие) и профессионально-управленческого ресурсов» [Волков, Гурба 2018: 18–19]. Эти люди стремятся создать площадки для налаживания диалога и взаимодействия между общественными организациями и органами власти различного уровня. Вместе с тем эксперты подчеркивали слабый уровень институциональной включенности таких лидеров. Деление гражданского общества на «своих» и «чужих» по-прежнему сохраняется, поэтому следует отметить, что государственные органы с недоверием относятся к институтам гражданского общества, неподконтрольным властным структурам. «В любой несанкционированной активности, особенно касающейся политической сферы, государство видит покушение на свою монополию властвовать и распоряжаться ресурсами» [Макаренко 2016].

ВЫВОДЫ

Достигнутый уровень консолидации и внутриэлитного консенсуса не переходит на следующий уровень — ценностный. Централизация и избыточная концентрация ресурсов у представителей административной элиты негативно влияют на возможность построения конструктивного диалога в отношении с остальным элитным группами и институтами гражданского общества. Скрытые и явные конфликты внутри политико-административной элиты, отсутствие в ее рядах единства по вопросу об отношении к ключевым компонентам образа «мы — государство», низкий уровень авторитета элиты в глазах общества, конкурентная борьба за различные экономические, организационные, символические, технические и другие виды ресурсов, постоянные попытки контролировать каналы получения информации и межличностной коммуникацией, межпоколенческие и классовые расколы по поводу прошлого, настоящего и будущего России, политических символов, исторических фигур — все это значительно снижает результативность государственной политики идентичности и отдаляет перспективу до-

стижения согласия граждан по поводу ее целей, средств и результатов. Слабая политическая элита, не имеющая морального авторитета в глазах населения, не способна конкурировать за признание своих ценностей и идеалов, а потому склонна к применению легитимированного физического насилия и вынуждена конкурировать с другими политическими акторами за продвижение своей версии национально-государственной идентичности практически без явных преимуществ (Попова 2019: 85). Сохранение и увеличение социальной дистанции между представителями власти и социумом стратегически негативно влияют на стабильность всей политической системы и режима.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Литература

Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2012. 408 с.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Том 6. №2. С. 24–66.

Волков Ю.Г., Гурба В.Н. Институт лидерства в российском обществе: роль в консолидации российского общества // *Гуманитарий Юга России*. 2018. №5. С. 13–29.

Дука А.В. Институционализация российской политико-административной элиты // *Политическая наука*. 2009. №3. С. 126–149.

Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // *Актуальные проблемы Европы*. 2017. №2. С. 14–54.

Загородников А.Н. Демократия и элиты в России и мире в XXI веке: сравнительный анализ // *Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия* / под ред. Я.А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 57–68.

Захарова О.В. Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015) // *Вестник Института социологии*. 2016. № 2 (17). С. 29–45. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2016_17/Zakharova.pdf (дата обращения: 27.05.2020).

Лапина Н.Ю. Политическая элита современной Франции // *Актуальные проблемы Европы*. 2017. №2. С. 105–125.

Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.

Мохов В.П. Российские региональные элиты в период политических реформ первого десятилетия 2000-х годов // Вестник ВЭГУ. 2010. № 4(48). С. 33–40.

Попова О.В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южно-Российский журнал социальных наук. 2019. Том 20. № 4. С. 74–91.

Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. №5. С. 54–78.

Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. 2016. № 2. С. 164–180.

Хигли Дж., Пакульский Я. Смена элиты и лидеров в либеральных демократиях. Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 1. С. 67–84.

Цумарова Е.Ю. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2012. № 2. С. 5–16.

Щербакова Ю.А. (2017) Политические элиты в бывшей Чехословакии и Чешской Республике // Актуальные проблемы Европы. 2017. №2 . С. 149–168.

Higley J., Pakulski J. Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe // Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science / ed. by M. Dobry. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 109–129.

Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regime // Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–37.

Higley J., Pakulski J., Wesołowski W. Introduction: Elite Change and Democratic Regimes in Eastern Europe // Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe / ed. by J. Higley, J. Pakulski, W. Wesołowski. London: Macmillan, 1998. P. 1–33.

Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // International Review of Sociology. 2001. Vol. 11, № 2. P. 181–199.

Higley J., Hoffmann-Lange U., Kadushin C., Moore G. Elite integration in stable democracies: a reconsideration // European Sociological Review. 1991. № 7. P. 35–53.

Источники

Градецкий А., Скоробогатый П. Эффекты консолидации. Специальный проект. // Эксперт. 2015. №25. URL: <https://expert.ru/expert/2015/25/konsolidatsiya-elit-fundament-uspeshnogo-razvitiya/> (дата обращения: 21.05.2020).

Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Кризис и риски устойчивого развития российского общества: по материалам XLVII этапа социологического мониторинга «Как живешь Россия?». М.: Перспектива, 2018. URL: <http://xn--h1aauh.xn--p1ai/wp-content/uploads/2019/02/%D0%A3%D0%A0-%D0%9A%D0%96%D0%A0-47.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

Макаренко Б. Трудное рождение культуры граждан // Полит.ру. 23.02.2016. URL: http://polit.ru/article/2016/02/23/Civic_Culture/?_utl_t=fb (дата обращения: 03.05.2020).

Медведев Д.А. Сохранить эффективное государство в существующих границах // Эксперт. 2005. № 13. URL: https://expert.ru/expert/2005/13/13ex-medved_5168/ (дата обращения: 25.05.2020).

CONSOLIDATION OF THE RUSSIAN ELITE AS A FACTOR OF STATE IDENTITY POLICY

A. Shentyakova

(anna_pedagog@mail.ru)

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

Citation: Shentyakova A. Konsolidatsiya rossiyskoy elity kak faktor gosudarstvennoy politiki identichnosti [Consolidation of the Russian elite as a factor of state identity policy]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (1): 5–21 . (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.1>

Abstract. *The state identity policy is one of the strategic directions of domestic policy, the purpose of which is the formation and maintenance of a stable and unified symbolic space in society. The constructivist approach is chosen as the methodological basis of the work, which allows including political elites, social groups and institutions in the context of analysis. The research method is expert interviews. An analysis of the data made it possible to identify the main subjects of state identity policy and determine the degree of their involvement in the processes. The elite acts as a key actor in the development and implementation of state identity policies. It substantiates the significance of the problem of consolidation of the Russian elite, which remains relevant throughout the post-Soviet period. Experts identified the factor of consolidation of elite groups and the achievement of value consensus between the government and society as one of the conditions for the success to the formation of a united solidary society. The analysis*

of foreign and Russian scientific literature on the issues of consolidation and cohesion of the elite. The nature and degree of consolidation of the Russian elite is analyzed, the special role of the administrative segment of the federal elite in this process is emphasized. The connection between the degree of institutionalization and the achievement of value consensus within the elite is revealed. The issue of consolidation of Russian society as a whole is considered separately. The problem of social inequality as a factor inhibiting democratic processes in the field of identity politics is identified. The leadership factor is being studied as one of the resources for building a dialogue between government and civil society institutions.

Keywords: elite consolidation, interaction of the elite and society, identity policy, value consensus, institutionalization of the elite.

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31616 “State Policy in the Field of Formation of Identity: Conceptual Foundations, Technologies and Prospects” in Saint-Petersburg State University.

References

- Brubaker R. *Etnichnost bez grup* [Ethnicity without groups]. Moscow: NIU VSHE, 2012. 408 p. (In Russian)
- Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regimes. In: *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Ed. by Higley J., Gunther R. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, 1–37.
- Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations. *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 181–199.
- Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Institutsionalizatsiya politicheskoy elity: istochniki rekrutirovaniya i karyera [Institutionalization of the Political Elite: Sources of Recruitment and Career]. *Vlast i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2), pp. 24–66. (In Russian)
- Duka A.V. Institutsionalizatsiya rossiyskoy politiko-administrativnoj elity [Institutionalization of the Russian political and administrative elite]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2009, 3, pp. 126–149. (In Russian)
- Duka A.V. Transformatsiya postsovetских politiko-administrativnykh elit [Transformation of post-Soviet political and administrative elites]. *Aktualnye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], 2017, 2, pp. 14–54. (In Russian)
- Fadeeva L.A. Identichnost kak kategoriya politicheskoy nauki: issledovatel'skoe pole i kognitivnyy potentsial [Identity as a category of political science: research field and cognitive potential]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2016, 2, pp. 164–180. (In Russian)
- Higley J., Hoffmann-Lange U., Kadushin C., Moore G. Elite integration in stable democracies: a reconsideration. *European Sociological Review*, 1991, 7, pp. 35–53.

Higley J., Pakulski J. Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe. In: *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science*. Ed. by M. Dobry. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000, pp. 109–129.

Higley J., Pakulski J. Smena elity i liderov v liberalnykh demokratiyakh [Change of elite and leaders in liberal democracies]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing], 2008, 1, pp. 67–84. (In Russian)

Higley J., Pakulski J., Wesołowski W. Introduction: Elite Change and Democratic Regimes in Eastern Europe. In: *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*. Ed. by Higley J., Pakulski J., Wesołowski W. London: Macmillan, 1998, pp. 1–33.

Lapina N.Y. Politicheskaya elita sovremennoj Frantsii [Political elite of modern France]. *Aktualnye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], 2017, 2, pp. 105–125. (In Russian)

Malinova O.Y. Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetskoy Rossii [Symbolic politics and the construction of macro-political identity in post-Soviet Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2010, 2, pp. 90–105. (In Russian)

Mokhov V.P. Rossiyskie regionalnye elity v period politicheskikh reform pervogo desyatiletiya 2000-kh godov [Russian regional elites in the period of political reforms in the first decade of the 2000s]. *Vestnik VEGU* [VEGU Bulletin], 2010, 4, pp. 33–40. (In Russian)

Popova O.V. Gosudarstvennaya politika identichnosti kak teoreticheskij konstrukt i realnaya praktika: opyt ekspertnykh otsenok rossiyskikh issledovateley [State identity policy as a theoretical construct and real practice: the experience of expert assessments of Russian researchers]. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 2019, 20(4), pp. 74–91. (In Russian)

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Mezhdou gosudarstvom i natsiyey: Dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve [Between State and Nation: Dilemmas of Identity Politics in the Post-Soviet Space]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2017, 5, pp. 54–78. (In Russian)

Shcherbakova Y.A. Politicheskie elity v byvshey Chekhoslovakii i Cheshskoy respublike [Political elites in the former Czechoslovakia and the Czech Republic]. *Aktualnye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], 2017, 2, pp. 149–168. (In Russian)

Tsumarova E.Y. Politika identichnosti: politics ili policy? [Identity politics: politics or policy?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Politologiya* [Perm University Bulletin. Political Science Series], 2012, 2, pp. 5–16. (In Russian)

Volkov Y.G., Gurba V.N. Institut liderstva v rossiyskom obshchestve: rol v konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [Leadership Institute in Russian Society: Role in Consolidating Russian Society]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [South Russian Humanitarian], 2018, 5, pp. 13–29. (In Russian)

Zagorodnikov A.N. (2010) *Demokratiya i elity v Rossii i mire v XXI veke: sravnitelnyy analiz* [Democracy and Elites in Russia and the World in the XXI Century: A Comparative Analysis]. In: *Demokratiya. Vlast. Elity: demokratiya vs elitokratiya* [Democracy. Power. Elites: Democracy vs Elite Democracy]. Ed. by Y.A. Plyays. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 57–68. (In Russian)

Zakharova O.V. Strategii reprezentatsii kategorii «konsolidatsiya» v konyunktivnom diskurse rossiyskogo prezidenta (2000–2015) [Strategies for representing the category of “consolidation” in the conjunctive discourse of the Russian president (2000–2015)]. *Vestnik Instituta Sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2016, 2, pp. 29–45. Available at: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2016_17/Zakharova.pdf (accessed: 27.05.2020). (In Russian)